

В.В. Трофимович, А.Ю. Сухих, Л.В. Трофимович

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ СОВЕТСКИХ ПАРТИЗАН И УКРАИНСКИХ ПОВСТАНЦЕВ НА ВОЛЫНИ В 1942–1944 гг.

Рассмотрены предпосылки и причины идеологической борьбы между советскими партизанами и подчиненными бандеровской фракции Организации украинских националистов украинскими повстанцами. Прослежены ее формы и методы. Проанализирована политическая работа противоборствующих сторон среди местного населения с целью привлечения его на свою сторону и дискредитации противника, а также показаны ее последствия. Обращено внимание на использование в идеологической работе среди волынян церковнослужителей. Приведены примеры перехода на сторону советских партизан представителей национальных подразделений УПА.

Ключевые слова: советские партизаны; украинские националисты; повстанцы; Волынь; агитация и пропаганда; идеологическая борьба; ОУН; население; оккупанты.

Деятельность советских партизан и украинских повстанцев была подчинена не только военно-политическим целям, которые они перед собой ставили, но и в значительной мере идеологическим принципам, соответственно, большевизма и украинского интегрального национализма. Последние были враждебны друг другу, поскольку, прежде всего, по-разному рассматривали решение национального вопроса. В большевизме на первое место был выдвинут пролетарский интернационализм – политическая, экономическая и идеологическая сплоченность всех рабочих. В многонациональном Советском государстве именно он заменял принцип национальности, тем самым нивелируя национальную особенность народов, которую должна была объединять классовая принадлежность. Считалось, что национальная гордость советского человека должна быть неотъемлемой от чувства преданности социалистической Родине, что включало в себя принцип социалистической солидарности, интернационализма и дружбы народов [1. С. 287]. Известный оуновский пропагандист П. Федун («Полтава») в работе «Концепция самостоятельной Украины» критиковал положения марксизма, направленные против идеи нации, поскольку согласно последнему благосостояние человечества должно было наступить с момента победы рабочего класса путем свержения существующего политического и общественного строя, в результате чего отпадает потребность в государственных национальных организациях [2. С. 156].

Идейным принципом национализма является признание нации наивысшей ценностью. Исходя из позиции большевизма, ее абсолютизация и идеализация являются подменой классовых принципов, поскольку направлены на расторжение связи и единства между пролетариями, что лишит их возможности бороться за свои права и экономические интересы. В частности, поэтому украинский национализм признавался буржуазным и, соответственно, враждебным большевизму, в котором национальная проблема в каждом случае должна была находить глубинное социальное, классовое содержание [1. С. 237; 3. С. 18]. Например, советский критик «буржуазного национализма» Ю. Римаренко утверждал, что класс и нация – «общности, которые не исключают друг друга», поскольку классовая структура общества функционирует в усло-

виях существования национальных отличий людей [4. С. 73–74].

Поэтому большевистская идеология отбрасывала рассмотрение национальных интересов обособленно от классовых и, как отмечал П. Федун, считала нацию историческим явлением, возникшим в эпоху развития капитализма и не свойственным обществу [2. С. 56]. Национализм, в свою очередь, рассматривает нацию без социального содержания и социально-классовых проблем, сквозь призму расового и национального начала, где национальное является «двигателем» общественного развития.

Невзирая на большое количество вышедших за семь послевоенных десятилетий различного уровня научных работ, посвященных советским партизанам и украинским повстанцам, целый ряд аспектов идеологической борьбы между ними остается практически неизученным.

Опираясь прежде всего на впервые вводимые в научный оборот архивные материалы, а также опубликованные источники, авторы осуществили попытку проанализировать различные формы идеологического противостояния советских партизан и украинских повстанцев в 1942–1944 гг. на территории историко-этнографической Волыни, охватывающей Волынскую, Ровенскую, части Хмельницкой, Тернопольской и Житомирской областей.

В годы германо-советской войны красные партизаны и украинские повстанцы ставили своей целью контролировать военно-политическую ситуацию в тылу оккупантов, ибо от этого зависели стабильность и успех их деятельности. Появление партизанских зон и краев, контролируемых советскими партизанами, и уповских повстанческих республик, где немецкая администрация отсутствовала, имело кроме военно-хозяйственного значения еще и идеологическое, поскольку оказывало значительное влияние на местное население. Последнее, таким образом, понимало, что территория, находившаяся под воздействием националистических или большевистских партизан, избавлена от террора и непосильных налогов гитлеровцев. Среди повстанческих республик на северо-западных украинских землях (СЗУЗ) известны Антоновецкая и Колковская. Советские партизаны на Волыни создали партизанский край в северных районах Ровенщины,

на стыке с Беларусью, а также в лесистых местностях Житомирщины. Их зона существовала лишь в тех местах, где длительный период базировались партизанские соединения, что давало им возможность номинально устанавливать свои органы власти. Например, бандеровцы, описывая общественно-политическую ситуацию в Рокитновском районе «Дунай» в ноябре 1943 г., отмечали, что ряд деревень были под контролем партизан Р.Я. Сатановского и А.Н. Сабурова, которые настолько чувствовали себя свободно, что «даже уже избрали свою управу сел» [5. Л. 40].

Активная идеологическая борьба советских партизан Украины предусматривала организованную политическую работу с местным населением оккупированных территорий. В приказе наркома обороны СССР № 00189 «О задачах партизанского движения» от 5 сентября 1942 г. указывалось на необходимость развернуть среди населения постоянную политическую работу, разъяснять о борьбе Красной армии (КА) и советского народа с гитлеровцами, издавать газеты, листовки и другие печатные материалы [6. С. 135]. План действий Украинского штаба партизанского движения (УШПД), созданного в июне 1942 г., относительно усиления боевой деятельности партизанских формирований на зимний период 1942–1943 гг. содержал положение об организации систематического пропагандистского информирования населения. Для выполнения этой задачи предусматривалось обеспечить все областные оперативные группы 50 типографиями, организовать учебу для такого же количества печатников и сборщиков, изготовить лозунгитрафареты, а также в период с ноября 1942 г. по январь 1943 г. издать и забросить на оккупированную территорию 35 названий листовок общим тиражом 7 млн экземпляров [Там же. С. 218]. Надо отметить, что руководитель Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД) П.К. Пономаренко в приказе от 1 января 1943 г. об усилении партизанской борьбы в связи с наступлением КА настаивал на развертывании широкой политической работы среди населения [Там же. С. 262].

Идеологическая борьба между советскими партизанами и украинскими повстанцами на Волыни происходила на поле столкновения их агитации и пропаганды, направленных на мобилизацию, получение лояльности и поддержки местного населения, а также дискредитацию в его глазах представителей враждебной идеологии. Например, ветеран органов госбезопасности СССР Г. Санников вспоминал: «Мы всеми силами, используя мощный пропагандистский аппарат, там, где надо, применяя силу, старались как можно быстрее заставить жителей Западной Украины повернуться лицом к социализму, убедить их в правильности социалистического строительства...» [7. С. 331].

Конкретные указания относительно идеологической борьбы против украинских националистов партизаны УШПД получили в радиограмме члена Военного совета Южного фронта Н.С. Хрущева от 23 марта 1943 г. В ней, в частности, подчеркивалась необходимость «разоблачать руководителей этих формирований буржуазных националистов как врагов народа,

немецких агентов <...> путем усиления агентурной работы, распространения листовок и т.п.» [8. С. 107]. Кроме того, в Постановлении ЦК КП(б)У «О состоянии и дальнейшем развитии партизанского движения в Украине» от 15 июля 1943 г. выдвигалось требование, чтобы все отряды активизировали борьбу с националистическими организациями, засылали в их «формирования и организации специально подготовленных людей для разложения националистических банд», а в листовках и устной пропаганде разоблачали их участников как «агентов Гитлера» [6. С. 381; 9. С. 79].

Для проведения агитационной работы нужны были квалифицированные кадры пропагандистов, которые хорошо знали украинский язык и могли, благодаря продуманным выступлениям, повлиять на настроение населения Волыни. Наряду с печатной пропагандой, актуальность проведения повседневной агитационно-массовой работы отмечалась в резолюции совещания нелегального ЦК КП(б)У, которое состоялось 29 мая 1943 г. [6. С. 367].

В директивном письме ЦК ВЛКСМ от 16 июля 1943 г. секретарям подпольных райкомов комсомола, действующих в тылу противника, подчеркивалась необходимость осуществления политической работы среди молодежи оккупированных территорий, используя для этого печатную продукцию и агитационные группы. [Там же. С. 303].

Агитационная работа была важным аспектом деятельности разведчиков и диверсантов, поскольку те неоднократно выполняли задания в отдаленных местностях, не охваченных влиянием красных партизан. Из каждой разведывательной группы подбирались «наиболее политически грамотный коммунист или комсомолец», которому поручалось проводить беседы с местным населением. Рядовые бойцы получали задание распространять агитационную литературу [10. Л. 14]. «В любом случае, боец, который идет на задание, прежде всего, идет в редакцию за листовками, – отмечал С. Калашников – партизан отряда им. Н.С. Хрущева из соединения И.И. Шитова. – Зайти в редакцию за литературой – все равно, что за боеприпасами. И сам народ вынуждает их это делать, потому что если появится партизан, народ спрашивает листовки, последние сведения... Если он не принесет листовку, то ему стыдно будет, если скажут: “Что же ты за партизан, если ты не знаешь?”» [11. Л. 7].

Успех устной агитации зависел от интеллектуального уровня и специальной подготовки лиц, которые ее осуществляли. В частности, комиссар Ровенского партизанского соединения (РПС) № 1 М.С. Корчев отмечал: «Мы построили работу на сильных людях, которые проводили ее умело, которые умели свою речь построить, говорить простым языком, оперировать простыми фактами, живыми примерами без разной философии, чтобы их речь могла доходить до сознания самого безграмотного человека, чтобы все для него было ясно и понятно» [12. Л. 21].

Выступления происходили во время собраний и митингов, организованных по поводу большевистских праздников, что должно было символизировать неразрывность советских традиций и демонстрировать временный характер оккупации. Подготовленные вы-

ступления могли в условиях информационного вакуума серьезным образом повлиять на психологическое состояние местных жителей и расположить их к партизанам. Например, после выступления в с. Новосилки комиссара Тернопольского партизанского соединения Б. Шангина крестьяне помогли обнаружить 12 продовольственных складов украинских националистов [13. С. 200].

В целом формы идеологической работы среди населения Западной Украины были практически такими же, как и в партизанских соединениях [14. С. 13]. На них указывал политрук артдивизиона Ф. Бокальчук в отчете М. Корчеву: «С местным населением проводилась ежедневная политинформация, а в свободное время сообщалось о международном положении, указывалось на героическую роль Красной Армии и партизан в победоносном походе на запад и продажную, провокационную роль националистов разного рода» [15. Л. 28].

Изменить настроения местного населения в свою пользу партизаны пытались также с помощью тематических карикатур. «Когда появились бандеровцы, мы рисовали карикатуры, давали им соответствующую оценку, – отмечал радист РПС № 1 М. Бокальчук, – когда приезжали в какое-либо село, мы выпускали специальный номер для населения» [16. Л. 8].

Коммуникативные механизмы влияния партизанские пропагандисты маскировали под вид объективной информации, где, однако, оценивали события соответственно, большевистской идеологии и собственных стратегических планов. Своеобразной тенденцией их деятельности было активное использование такого метода пропаганды, как навешивание ярлыков, имевшее целью создать устойчивые стереотипы мышления у местных жителей. В частности, на Волыни партизаны УШПД распространяли сведения о том, что украинские националисты были пособниками и агентами гитлеровских оккупантов. Об особенностях такой идеологической работы вспоминал М. Корчев: «Работа по отношению к националистам велась на основе разложения националистов как течения временного... Политическая работа сводилась к тому, чтобы доказать, что националисты – помощники немцев... сравнить действия немцев с националистами. Здесь работа для политработника была большой... Добивались того, чтобы население не слушало их провокации, разоблачали их провокационные листовки, брошюры, подтверждая на фактах, что все это ложь» [17. Л. 50–51].

Печатная пропагандистская продукция в годы военного лихолетья играла решающую роль в «борьбе за сердца и головы» местного населения. Советскими партизанами она нацеливалась в основном на дискредитацию оккупационного режима и показ победоносного шествия КА, а также собственных успешных действий на противогерманском фронте. Отчасти в своей печатной продукции красные партизаны, действовавшие на Волыни, пытались дискредитировать националистическое повстанческо-подпольное движение [18. Л. 144–146; 19. Л. 53–54; 20. С. 84–86; 21. С. 161–163].

Например, 21 ноября 1943 г. в органе Рокитновского подпольного райкома КП(б)У и партизанского отряда им. Ф.Э. Дзержинского «Більшовицька правда» был напечатан призыв к населению: «Не слушайте националистов – немецких слугаков. Они являются прямыми пособниками Гитлера. Уничтожить их – наша задача!» [22. Л. 78].

В своем пропагандистском арсенале советские партизаны активно использовали прием демонизации врага, распространяя материалы, в которых украинских националистов называли изменниками народа, способствующими его уничтожению оккупантами [Там же. Л. 110]. В частности, в листовке «Українці», напечатанной 28 июня 1943 г. в соединении И. Шитова, отмечалось, что они «натравляют украинцев на украинцев, устраивают резню, ведут войну против украинских советских партизан, чем разъединяют нашу силу и этим помогают немцам в войне против нашего народа. Оуновцы мечтают разбить Красную Армию, которая, по их мнению, слабеет в войне с немцами, и они мечтают тогда установить украинское самостоятельное государство <...>» [23. Л. 47].

Чтобы убедить мирных жителей в сотрудничестве украинских националистов с гитлеровцами, красные партизаны распространяли материалы о том, что «самостийники» мешали уничтожать оккупантов [24. Л. 211].

В одной из листовок, выпущенных ровенскими партизанами, сообщалось, что оуновцы препятствовали пускать под откос поезд с немецкими военными и техникой [25. Л. 16].

В обращении «Кто такие националисты и за что они ведут борьбу?» (январь 1944 г.), напечатанном в газете соединения А. Сабурова «Партизанська правда», отмечалось, что поскольку последние нападают на партизанские диверсионные группы и охраняют от них железную дорогу, по которой захватчики подвозят на фронт живую силу, технику и боеприпасы, то это доказывает, что они – «агенты немецких фашистов и помогают им уничтожать и притеснять украинский народ» [26. Л. 189].

В антиповстанческом пропагандистском дискурсе большевистские факторы для реализации стратегии влияния использовали вымышленные факты. В частности, в июне 1943 г. в Рожищанском районе советские подпольщики, во-первых, распространяли сведения, о том, что Украинская повстанческая армия (УПА) тесно сотрудничала с красными партизанами, а ее руководство заключило «какие-то договоренности... со Сталиным»; во-вторых, в случае успешного проведенной уповцами антинемецкой операции они приписывали ее себе. Оуновцы отмечали, что в результате такой пропаганды «население сильно возмущается и встает в оппозицию всем действиям УПА» [27. С. 654].

Советские партизаны также стремились навязать местным жителям Волыни негативное восприятие украинских повстанцев, распространяя известные факты террора бандеровцев против поляков и убийства других мирных жителей. Например, соединение А. Сабурова напечатало листовку, где сообщалось,

что 16–19 июля 1943 г. националисты уничтожили польское население Гуты-Степанской [24. Л. 211].

Партизанская газета «Радянська Україна» 5 июля 1943 г. напечатала письма в редакцию от жителей Ковельского и Каминь-Каширского районов, где рассказывалось о репрессиях бандеровцев против гражданского населения [28. Л. 19–20].

Характерно, что партизаны Ровенского областного штаба партизанского движения (РОШПД) в листовке «Кто такие украинские националисты» сообщали, что последние сожгли с. Грачи [Грань] Дубровицкого района, где в огонь бросали женщин и детей [29. С. 181]. Однако повстанцы в донесении из надрайона «Лисова писня» за июль 1943 г., напротив, утверждали, что это красные партизаны сожгли вышеупомянутое село [30. С. 222; 31. С. 235–236].

Партизаны также распространяли материалы, в которых интерпретировали украинских националистов и их формирования согласно классовому принципу, указывая, что последние состояли из «враждебных» общественных групп [32. С. 609].

Бесспорно, такая позиция исходила из идеологической подготовки командного и партийно-комиссарского состава соединений и отрядов. В частности, комиссар Сумского соединения С.В. Руднев считал, что украинское повстанческое движение управлялось буржуазной интеллигенцией, которая «дурит голову крестьянам, а сама идет на поводу у немцев». По его мнению, называя себя «украинскими партизанами», они прятали «истинно буржуазное лицо своего движения». Поэтому С. Руднев решил написать листовку на украинском языке, где разъяснял «сущность национализма» [33. С. 102].

Подобные материалы издавали также другие партизанские соединения. 5 июля 1943 г. в газете «Радянська Україна», которая печаталась в Черниговско-Волынском партизанском соединении (ЧВПС), подчеркивалось, что националисты хотят “уровнять” господина, кулака, заводчика с трудящимся крестьянином, с рабочим» [28. Л. 19].

В одном из номеров журнала «Народный мститель», который издавался при РПС № 2, излагалась «классовая характеристика» ОУН: «Кулацко-помещичью сущность этой организации видно каждому, кто внимательно ознакомится с их многочисленной агитационной литературой» [34. Л. 45].

Примечательно, что подпольные организации, созданные отрядом им. И.В. Сталина ЧВПС, во время проведения пропаганды среди местного населения «разоблачали кулацкую природу украинских националистов» [35. Л. 325].

Партизанская пропаганда подчеркивала также преимущество единства украинского народа с русским в едином Советском государстве. В противовес националистической пропаганде о создании самостоятельного государства волыняне писали, что лишь «в союзе с братскими народами России Украина достигла действительной независимости», а «попытка самостоятельного существования заканчивалась порабощением» [36. Л. 64 об.].

В 1943 г. отдел агитации и пропаганды Волынского подпольного обкома КП(б)У напечатал трехстра-

ничную листовку «Кто такие националисты и за что они воюют», в которой утверждалось, что последние, невзирая на свои лозунги, мечтают создать собственную империю и, отбрасывая классовую борьбу, не хотят, чтобы трудящиеся “жили по-человечески”» [28. Л. 62–64]. Следует также отметить, что партизаны отряда им. И.В. Сталина ЧВПС в беседах с местным населением рассказывали, что украинские националисты призывают бороться за создание «имперского государства “великой соборной Украины”», где ее территория расширится до Урала и Средней Азии [35. Л. 273].

Печатная продукция партизан подтверждала, что провозглашение самостоятельности Украины кардинально противоречило большевистской идеологии и военно-стратегическим планам кремлевского руководства. В июльском номере за 1943 г. партизанской газеты «Радянська Україна» отмечалось: «Эти верховоды-националисты хотят, чтобы Советская Украина разорвала нынешний союз с русским, белорусским и другими народами СССР и выделилась в отдельное государство. Этим они хотят, чтобы Украина, отделившись от СССР, ликвидировала единый фронт и этим самым был бы ослаблен натиск на общего врага – немца» [28. Л. 20].

Материалы, рассчитанные на то, что с ними ознакомятся украинские националисты, преимущественно были агрессивно-предупредительного характера. Например, ровенские партизаны угрожали, что «в случае смерти кого-то из партизан или его семьи от желто-голубой предательской руки – мы беспощадно будем уничтожать ваши банды с корнем» [25. Л. 28]. Партизанское соединение А. Сабурова в листовке предупреждало, что за одного убитого партизана будет уничтожено 15 националистов [24. Л. 210].

Однако советские партизаны не исключали и возможность того, что часть уповцев все же могла перейти на их сторону, а потому неоднократно печатали обращения с соответствующим призывом. Например, Волынский подпольный обком КП(б)У в сентябре 1943 г. издал листовку-обращение «Слушай, брат!», подписанную повстанцами, перебежавшими к советским партизанам, и призывающую личный состав УПА оставить ее ряды, поскольку она действует «сообща» с оккупантами [28. Л. 61].

Следует также подчеркнуть, что постановлением политбюро ЦК КП(б)У от 14 февраля 1944 г. было поручено заместителю заведующего отделом пропаганды и агитации К. Литвину обеспечить издание специальной листовкой обращения Президиума Верховного Совета и Совета народных комиссаров УССР «К участникам так называемых “УПА” и “УНРА”» тиражом 300 тыс. экземпляров для распространения самолетами на оккупированной территории Волыни, Подолья, Галиции и Буковины [9. С. 79–80]. В нем украинские националисты изобличались как изменники Родины, которые не направляли свои удары против немцев, а боролись против КА и советских партизан. Одновременно к тем, «которые сбились с верного пути», обращались со следующим призывом: «Бросайте оуновские банды! Рвите любые связи с немецко-украинскими националистами... Переходите

на сторону честных и беззаветных борцов за Советский Союз, за свободу, честь и счастье нашей матери Советской Украины, на сторону советских партизан» [9. С. 83].

Красные партизаны пытались максимально использовать в антиповстанческой пропаганде факты перехода к ним уповцев. Преимущественно дезертировали представители национальных подразделений УПА (грузины, армяне, туркмены, татары, азербайджанцы) – в основном бывшие красноармейцы, часть из которых оказалась в немецком плену, согласилась служить оккупантам, а затем перешла в «украинский лес». В частности, в конце января 1944 г., после их измены во время нападения 1-й Украинской партизанской дивизии им. С. А. Ковпака на повстанческую республику «Сич» в Свинаринских лесах, командование ковпаковцев немедленно издало «Обращение к казакам, военнопленным, солдатам Татарского легиона, узбекам, грузинам, туркменам, бывшим бойцам Красной Армии, ставшим на службу немецкому фашизму» и «Обращение к украинцам, русским, армянам и узбекам, пребывающим в рядах УПА», в которых призывали переходить к ним, а на руководителей УПА навешивали ярлыки агентов гестапо, предателей и лжецов. Чтобы убедить в целесообразности дезертирства из повстанческих рядов, второе обращение подписали «куренной, командир школы “Лисови чорты”» М. Семенюк («Орел»), «капитан сотни армян» С. Арутюнян («Серго»), «сотенный сотни узбеков» М. Олиев («Ташкент») и «другие, всего 96 подписей», перешедшие на сторону ковпаковцев [37. С. 508; 38. С. 224, 300; 39. С. 21–22].

В период указанного выше противостояния украинские повстанцы неоднократно попадали в плен. Обычно высшая мера наказания применялась относительно командного состава, а рядовых, если они не принимали участия в борьбе против партизан, отпускали на свободу. Такие «жесты доброй воли» использовались также в идеологической борьбе. Например, бойцы отряда им. И.В. Сталина ЧВПС в начале июля 1943 г. захватили 17 уповцев, которых после «доведения до их сознания, что советские партизаны, как представители советской власти, являются друзьями народа», отпустили и дали агитационные листовки [35. Л. 277].

Как следует из архивных материалов, командир отряда им. И.В. Сталина Г.В. Балицкий, чтобы изменить враждебное отношение местного населения к нему и его подчиненных, после антиповстанческой операции 17–18 июля 1943 г. в с. Журавичи Киверцевского района приказал медсестре на виду у крестьян перевязать раненого уповца и занести его в дом. Других пленных решили освободить, перед тем проведя беседу, что их обманули, заставив воевать, и что «красные партизаны своих братьев-украинцев не убивают». Такое поведение удивило местных жителей, которые без страха начали расспрашивать о событиях на фронтах, а на следующий день пригласили партизан на завтрак и дали продуктов [Там же. Л. 286–287].

Специфическим примером пропаганды можно считать помощь гражданскому населению в хозяйственно-бытовых делах. Например, бойцы отряда

им. И.В. Сталина Житомирского партизанского соединения (ЖПС) помогали жителям с. Гребни в подготовке проведения весеннего сева, а его врач оказывал желающим медицинскую помощь [40. Л. 43]. Осенью 1943 г. «лесные братья», находившиеся в подчинении Житомирского областного штаба партизанского движения (ЖОШПД), возглавляемого А. Сабуровым, совместно с крестьянами проводили уборку урожая в с. Копище Олевского района, в котором немцы в июле уничтожили большинство населения [41. Л. 49]. Такой способ взаимодействия с местными жителями во время оккупации был возможен лишь в районах, где партизаны целиком безопасно себя чувствовали, а поэтому являлся скорее исключением.

Чтобы получить поддержку населения в местностях, находившихся под влиянием националистов, командование соединений требовало от личного состава толерантно относиться к крестьянам во время хозяйственных операций. Например, в марте–апреле 1944 г., когда соединение В. Чепиги располагалось в селах Смоляры, Забужжя и Ричица Волынской области, было категорически запрещено осуществлять «самозаготовку» в крестьянских хозяйствах. Поэтому оно «заслужило большое уважение и доверие». Местные жители пришли на митинг, организованный партизанами, и, выслушав информацию о ситуации на фронте, заявили: «А нам здесь врал, что в Киеве и Луцке националисты» [18. Л. 138].

Партизаны неоднократно привлекали к идеологической борьбе против украинских повстанцев церковнослужителей оккупированной территории, ибо контакты с мирными жителями и длительное пребывание на Волыни дали им возможность понять, что в здешних условиях большое значение играла религия. В частности, во время выступления 20 марта 1944 г. на областном совещании партактива Ровенского обкома КП(б)У бывший комиссар РПС № 1 М. Корчев констатировал: «В настоящий момент в селах авторитетной фигурой является священник и учитель. Там, где священник с партизанами – село партизанское, где священник националист – село с националистами» (цит. по: [42. С. 65]).

Привлечение церковнослужителей и высокопоставленных партизанских командиров к проведению массовых собраний с деревенскими жителями в ситуации информационного вакуума серьезным образом влияло на настроение последних. Например, 18 августа 1943 г. в с. Привитивка Морочненского района, невзирая на возможную опасность, командиры партизанских соединений В.А. Бегма и А.Ф. Федоров, исполнявшие одновременно обязанности секретарей соответственно Ровенского и Волынского подпольных обкомов КП(б)У, при участии местного клира Русской православной церкви – благочинного протоиерея В. Навроцкого и муравинского священника М. Гребенка, провели большой митинг, на котором присутствовали около 2 тыс. человек. Герой Советского Союза А. Федоров, выступая с трибуны, заявил, что фашисты и националисты хотят натравить одну нацию на другую, чтобы угнетать их, тогда как преданное советской власти население – братья партизанам, которые, в отличие от националистов, воюют «за

самостоятельность и свободу» [43. С. 279–280]. Комиссар РПС № 2 Л. Кизя призвал население стать на путь партизанской борьбы, не поддаваться на провокации и угрозы украинских националистов, а священник В. Навроцкий проклинал последних как изменников народа и помощников фашизма. После этих выступлений местные жители щедро угостили духовенство и командование партизанских соединений [29. С. 179; 44. С. 13–14].

Неединичными были случаи, когда советские партизаны вмешивались в проведение богослужений. Упомянутый М. Корчев считал, что служба в церкви может осуществляться в интересах СССР и просил священника «построить проповедь так, чтобы она была в целях русского оружия». Комиссар решил показать ему, как желательно это сделать: «Он принес мне Евангелие... Я указал, что к евангельским высказываниям нужно прибавить данные об Александре Невском, Дмитрие Донском, Суворове, Кутузове, о наших народных героях Щорсе, Чапаеве, Богдане Хмельницком и других, потом сделать оценку Гитлеру» [17. Л. 43].

Дивиденды от сотрудничества со служителями культа были значительными, поскольку последние хорошо знали местных жителей и таким образом могли сообщать об их намерениях, а также о подозрительных лицах и тех, кто принадлежал к ОУН. Например, подпольная организация Ровенщины имела специально подготовленных лиц для работы с духовенством, через которых осуществлялась агитационная и пропагандистская работа с верующими во время богослужений. Одновременно при содействии церкви ставилась цель разлагать повстанческие отряды [45. Л. 59–60]. В июне 1943 г. в соединении И. Шитова были сформированы две агитационно-пропагандистские группы по 6 человек, которые действовали среди православных, евангелистов и баптистов, раздавая им листовки, напечатанные в партизанской типографии [46. Л. 72].

Одним из аспектов идеологической работы на Волыни было создание подпольных обкомов и райкомов КП(б)У, появление которых символизировало возрождение советской власти в тылу оккупантов и служило средством дополнительной активизации подпольного и партизанского движения. В частности, 17 февраля 1943 г. в с. Озерск Высоцкого района была возобновлена деятельность Ровенского подпольного обкома КП(б)У во главе с депутатом Верховного Совета (ВС) СССР В. Бегмой. В мае того же года депутат ВС СССР С. Олексенко возглавил Каменец-Подольский областной комитет партии. 23 июня ЦК КП(б)У утвердил Волынский подпольный обком, первым секретарем которого стал А. Федоров [47. С. 33–34].

Важное идеологическое значение имело проведение партийных конференций, что в то время было очень опасно. Первое такое собрание открыл В. Бегма 26 марта 1943 г. в с. Дибровск на Ровенщине. В нем приняли участие 120 делегатов от партизанских отрядов [48. Л. 81]. Райкомы КП(б)У создавались на базе последних, а обязанности их секретарей исполняли комиссары отрядов.

Таким образом, советские партизаны во время идеологической борьбы с украинским повстанческо-подпольным движением пытались повлиять на общественные настроения, добиться лояльности местного населения и изменить его мировоззренческие ориентиры благодаря различным методам пропаганды, реализуемым печатным и устным способами. Одновременно они использовали специфические приемы психологического влияния на жителей, чтобы получить их поддержку. Идеологическое воздействие на местное население Волыни направлялось на то, чтобы дискредитировать в его глазах украинских националистов и вызывать по отношению к ним ненависть.

Руководство украинских повстанцев, усмотревшее в действиях красных партизан своих главных идеологических соперников, также отдавало предпочтение печатным средствам коммуникативного влияния. В распространяемых материалах бандеровцы объясняли, согласно идеологической позиции и военно-политической стратегии ОУН, что советские партизаны преследуют цели, отличающиеся от целей украинского народа [49. Л. 41]. «Партизанская борьба поляков или большевиков не должна нас интересовать, они могут вести ее своими силами, если ее острее не будет направлено против нас, – указывалось в листовке “Партизанская борьба и наше отношение к ней”, распространенной летом 1942 г. – Сталин и Сикорский одним выстрелом хотели убить двух зайцев: навредить немцам и руками немцев разбить украинцев. Украинцы не принимали и не принимают участия в партизанской борьбе... Мы должны беречь наши силы, потому что верим, что война в своей конечной стадии даст нам возможность бороться и строить собственное украинское государство. Наш путь – не партизанская борьба сотен или тысяч, а национальная освободительная революция миллионов украинских масс» [27. С. 531].

Содержание листовки свидетельствовало, в частности, о том, что руководство ОУН(б) тогда отставало от размаха повстанческого движения на местах и продолжало цепляться за устаревшую теорию о нецелесообразности и вредности партизанской борьбы. И только чувствительные удары, нанесенные оккупационным режимом бандеровскому подполью на рубеже 1942–1943 гг., окончательно убедили его лидеров в том, что тактика накопления сил для общего всенародного восстания является ошибочной и в условиях нацистского террора неосуществимой и вынудила постепенно принимать на вооружение идею партизанской войны как первую стадию будущего восстания. Этим в значительной мере объясняется тот факт, что разведывательно-диверсионные отряды НКВД и Главного разведуправления Генштаба КА опередили бандеровскую ОУН в организации и развертывании партизанского движения на Волыни (см. подробнее об этом: [50. С. 14–16; 51. С. 137–139]).

В главном официальном журнале ОУН(б) «Ідея і чин», который формировал идеологическую продукцию других националистических изданий, непременно указывалось, что коммунистическая система СССР несла политическое и социальное порабощение народным массам Украины [52. Л. 13].

Свою антибольшевистскую и антинацистскую направленность также демонстрировала газета «Земля і Влада» – орган Украинской национал-демократической партии (УНДП), которая с середины 1943 г. стала политической надстройкой УПА Т. Бульбы-Боровца (УПА Б-Б). В ней отмечалось, что УНДП призывает «революционную силу всех народов Европы и Азии к борьбе против немецко-фашистского и русско-большевистского гнета» [53. С. 1].

После изменения полесским атаманом названия своих воинских подразделений на «Украинскую народно-революционную армию» ее журнал «Оборона України» также стоял на аналогичных позициях. В нем подчеркивалось, что борьба между Россией и Украиной – неминуемая, «как биологический закон», поскольку «история учит нас, что каждое «соглашение» с Россией кончалось для нас поработением». В то же время отмечалось, что советские партизаны – товарищи в борьбе против общего врага – гитлеровцев [54. С. 4].

Антибольшевистскую пропаганду украинских националистов стоит отнести к негативному (деструктивному) типу, поскольку она, невзирая на свою цель, заостряла противоречие в обществе и формировала у местных жителей образ врага – советской власти и ее представителей [55. С. 127]. В частности, бандеровцы считали, что деятельность советских партизан вредна для национального дела, поскольку благодаря ей реализовывалась большевистская колониальная политика в Украине. Об этом, например, шла речь в листовке «В лице двойного наступления». В ней диверсионные акции расценивались как провокация, «рассчитанная на уничтожение украинского населения немецкой рукой» [56. Л. 45]. В другой листовке «Украинский народ!» красных партизан называли «бандой грабителей и бандитов», которые терроризируют население, жгут села и пьют самогон [57. Л. 24].

Используя такой метод воздействия, оуновцы пытались дискредитировать советских партизан на национальной и военно-политической почве. В отчете ЧВПС о боевой и партийно-политической деятельности отмечалось: «Националисты изо дня в день твердили населению, что в составе партизанских отрядов преимущественно “жиды” и “цыгане”, что партизаны вооружены ломаными винтовками и ничего не способны сделать, что партизаны являются грабителями и что единственными защитниками народа являются они, то есть националисты» [58. Л. 146].

Однако в обращениях к советским партизанам украинские националисты не исключали возможность того, что те откажутся от поставленных государственно-партийными органами задач («империалистических целей Сталина») и начнут борьбу за установление своих национальных государств. В частности, об этом шла речь в одном из них, адресованном «Партизанам Красной Армии» [56. Л. 28]. В другом обращении, распространенном в октябре в 1943 г., положительно оценивались действия партизан «на антинемецком фронте», однако их призывали повернуть свое оружие также против «кремлевских палачей и их агентов» и вместе воевать за провозглашение

самостоятельных государств, создание национальной повстанческой армии, что должно было увенчаться общим фронтом всех поработенных народов. Подобное содержание имело также обращение, изданное в конце января 1944 г. [59. Л. 13].

В отличие от советских партизан, бандеровцы в своей печатной продукции достаточно обстоятельно рассказывали о противостоянии с первыми. Военный журнал Главной команды УПА «До зброї» и газета «Інформатор», которые издавались в период немецкой оккупации, периодически информировали население об успехах в борьбе с большевистскими силами, а также о «вредной деятельности» последних [60. Л. 7].

Большое внимание оуновцы уделяли также устной пропаганде, о чем свидетельствуют соответствующие инструкции ОУН, появившиеся в ноябре 1944 г. в связи с приближением фронта. «Против Красной Армии с оружием выступать не можем и не сумеем, – указывалось здесь. – Самым первым и самым главным оружием против силы Красной Армии должна быть наша пропаганда – сильное, меткое слово. Она должна бойцов Красной Армии разложить... Бойцы свое оружие, которым сегодня уничтожают германский империализм, должны в подходящее время обратить против Сталина и его режима, которые их немилосердно используют в своих собственных интересах» [61. С. 267]. Во время проведения пропаганды рекомендовалось раскрывать враждебную политику официальной Москвы против Украины, подтверждая это историческими фактами. Не менее важным было «вспоминать все способы русификации Украины Москвой; разницу в языке, обычаях, характере и направлениях между украинцами и москалями», а также отмечать, что борьба с Москвой неминуема, поскольку она «никогда не захочет добровольно отречься от украинского хлеба» [62. Л. 7–8].

Агитация украинских националистов была более успешна, чем их идеологических противников на Волини. Она характеризовалась большей интенсивностью, а печатная продукция была лучшей по качеству, интереснее, охватывала более широкие массы населения и, соответственно, имела большее влияние на него [30. С. 319]. В общественно-политическом обзоре ситуации в южной части Ровенщины за ноябрь 1943 г. бандеровцы констатировали: «Наибольшим оружием против них (красных партизан – авторы) на этих территориях является негативное отношение к ним масс (тогда, когда массы наше движение поддерживают, чем и как могут), и поэтому они не могут на этой территории удержаться» [61. С. 294].

Невзирая на то, что советские партизаны получали обеспечение для организации активной пропагандистской и агитационной деятельности, она не приносила ожидаемый результат. По этому поводу секретарь Каменец-Подольского обкома КП(б)У С. Олексенко заметил: «Если мы и выпускали отдельные листовки, рассчитанные против националистов, то, во-первых, это была капля в море и, во-вторых, у нас не было аппарата переправить эти листовки далеко в Западную Украину. Поэтому нужно считать, что мы почти никакой контрработы не вели. Отдельные личные разговоры и беседы, какие мы проводили, осо-

бенных результатов не могли дать» [63. Л. 93]. В то же время сотрудники НКВД СССР в одной из справок, подготовленной 10 декабря 1943 г., относительно «разработки» формирований ОУН-УПА на Волыни указывали на успех бандеровской пропаганды: «Националистический угар среди украинского населения в местах расположения станов оуновцев <...> доведен до крайнего предела пропагандой т.н. идей “самостоятельной соборной украинской державы”». Как известно, ведется печатная и устная пропаганда против немцев и особенно против большевиков. Используя ненависть украинского населения к немцам, националисты подняли массы на вооруженную борьбу не столько против немцев, сколько готовят и сохраняют силы для борьбы с советской властью. Особого внимания и в первую очередь заслуживают националистические банды Волыни. Сагитированное население на Волыни рассказывает, что у националистов есть много своих людей на железных дорогах и что с приближением Красной Армии ни один ж. д. состав: ни немецкий, ни советский не пройдет по ж. д. магистралям Шепетовка, Здолбуново» [27. С. 727].

Надо отметить, что почти в каждом партизанском соединении, действовавшем на Волыни, издавалась своя газета, а также другая продукция значительными тиражами. Например, в 1943 г. у ЧВПС было напечатано 49 300 экземпляров газет (53 номера), а листовок и различных брошюр – 9 100, из которых 2 300 – к украинским националистам [64. Л. 1]. В апреле 1943 г. редакция газеты «Партизанська правда» издала 41 320 листовок, а в мае – 206 775 экземпляров листовок и газет [40. Л. 43, 57, 70]. Однако это не помогало существенно изменить общественно-политические настроения гражданского населения. На активных представителей националистического движения эта агитация практически не повлияла, поскольку факты их перехода на сторону советских партизан оказались мизерными. В частности, в начале мая 1943 г. отряду им. М.И. Кутузова из соединения В. Бегмы удалось сагитировать нескольких бойцов повстанческого отдела, которые оказались бывшими полициями из Каминь-Каширского [65. Л. 24 об.]. В начале августа того же года к отряду им. Г.И. Котовского ЧВПС перешли 10 уповцев с оружием [64. Л. 117]. В ноябре повстанческие бойки «Искры» (сформированные преимущественно из «восточников») и «Миши», действовавшие в Теофипольском и Ляховецком районах Каменец-Подольской области, присоединились к партизанам С. Олексенко [63. Л. 81–82]. Соединение им. Н.С. Хрущева под командованием В. Чепиги в 1944 г. пополнилось 18 уповцами [18. Л. 139]. Известно, что отряд им. Г.И. Котовского Волынского партизанского соединения им. В.И. Ленина состоял преимущественно из бывших коллаборационистов и украинских националистов [66. Л. 201].

На сторону советских партизан, как уже отмечалось, более охотно переходили представители национальных подразделений УПА, а также бывшие красноармейцы. Надо отметить, что в основном это случалось в первые месяцы 1944 г., когда фронт проходил уже на Волыни, предсказывая неминуемое возвращение большевистской власти. Например, боль-

шинство бойцов армянского отдела УПА, охранявших повстанческую базу «Січ», вошли в специально созданный отряд «Победа» третьего полка партизанской дивизии П.П. Вершигоры [38. С. 167]. К соединению М. Шукаева дезертировал азербайджанский курень под командованием «Чавли» (Г. Намазов), из которого был сформирован отдельный отряд им. Н.А. Щорса (командир М. Ахундов) [Там же. С. 170–178]. Отряд им. И.А. Микояна из соединения М.И. Наумова пополнился 50 бойцами грузинского отдела УПА [67. Л. 77]. В отряде им. И.В. Сталина ЧВПС 4-я рота состояла из бывших националистов и 26 грузинов повстанческого отдела, захваченных в плен после боя в с. Берестяное Киверцевского района [64. Л. 126 об.].

Более успешной идеологическая борьба советских партизан была в тех местностях, где они владели оперативно-военным преимуществом и обеспечивали защиту местного населения от налогообложения и карательных акций гитлеровцев. Например, 18 января 1943 г., после разъяснения бойцами отряда им. Н.А. Щорса Житомирского партизанского соединения (ЖПС) жителям х. Познань Рокитновского района результатов боев КА под Сталинградом, последние согласились оказать помощь продовольствием [10. Л. 15]. При отходе партизан В. Чепиги из одной волынской деревни ее обитатели говорили: «Не уходите от нас! Мы вас будем сами кормить, чтобы к нам не пустили немцев» [68. Л. 24].

Именно в таких местностях происходили случаи, когда гражданское население отказывалось вступать в повстанческие отряды и сотрудничать с оуновцами. Ранней весной 1943 г. партизанам А.П. Бринского удалось настроить актив из местного населения Озерецких хуторов Рафаловского района таким образом, что он «крадушно встречал партизан, а от программы бандеровцев отворачивался». Последних местные жители в ответ на их агитацию упрекали, что они служат в полиции и других немецких учреждениях, а также заявляли: «Мы от вас ничего не хотим, другой власти, кроме партизанской, мы не признаем» [27. С. 677]. В июне 1943 г. в с. Ельне Рокитновского района националисты организовали собрание местных жителей, во время которого просили собрать продовольствие и записываться в уповский отряд. Первое крестьяне выполнили, а второе – категорически отказались [40. Л. 71].

В местности, где советские партизаны имели поддержку населения, в случаях выявления фактов распространения националистами агитационных листовок большевистские пропагандисты проводили беседы с местными жителями. Это приносило результаты, поскольку последние отдавали им печатные материалы, розданные националистами [10. Л. 113]. Бывали случаи, когда крестьяне помогали в поисках уповских продовольственных складов [68. Л. 24].

Поскольку повстанческое движение охватило тогда практически СЗУЗ, его участники имели возможность, в отличие от советских партизан, эффективнее влиять на сознание гражданского населения, чем и воспользовались. Этому также способствовали преимущественно проукраинские настроения последнего и тот факт, что большинство повстанцев были местными.

Ввиду того что советские партизаны, подконтрольные партийным и государственным органам СССР, и уповцы преследовали противоположные цели, а идеологическая почва их деятельности абсолютно по-разному диктовала решение национального вопроса и, соответственно, государственного самоопределения украинской нации, им не удалось договориться о прочном нейтралитете или перемирии. Тем более что для украинских националистов «Москва» всегда была «извечным поработителем Украины», а красная партизанка воспринималась как авангард большевизма, который пытался овладеть базой повстанческого движения – Волыню.

Когда же советские партизаны и повстанческое движение активно вступили в обоюдное противостояние, которое существенным образом влияло на их военно-политическую деятельность, перемирие, даже временное прекращение огня выглядело менее реалистичным. Поскольку ситуация была крайне сложная, комиссар Сумского соединения С. Руднев считал: «Так как здесь такое политическое переплетение, что нужно крепко думать, убить – это очень простая вещь; но надо сделать, чтобы избежать этого. Националисты – наши враги, но они бьют немцев. Вот здесь и лабиринт, и думай» [33. С. 104–105]. Именно благодаря взвешенности и дипломатическому таланту С. Руднева удалось договориться с уповцами о перемирии соединения С.А. Ковпака через р. Горинь в районе с. Корчин – Звиздивка Костопольского района.

24 сентября 1943 г. в селе Карпиловка Рокитновского района состоялись переговоры между командиром чехословацкого отряда ЖПС капитаном Я. Налепкой (Репкиным) и «представителем центрального штаба УПА». Репкин предложил собеседнику объединить усилия двух противоборствующих сторон, чтобы как можно быстрее победить немцев, а также прекратить борьбу против советских партизан. Однако договориться не удалось, поскольку, как следует из рапорта Репкина генерал-майору А. Сабурову от 31 октября того же года, уповец заявил следующее: «Борьбу против партизан первыми начали не мы, так как партизаны также нападали на наши деревни и села, грабили и убивали их население, за это мы также мстим». На замечание капитана, что своими действиями против партизан УПА помогает оккупантам, ее представитель ответил так: «Мы воюем одинаково, против красных и против немцев, для нас противником является империализм московский, как и империализм берлинский. Империализм московский, как империализм большевистский является неприятелем культуры, религии украинского народа, а также и всех остальных народов; империализм берлинский является неприятелем свободы украинского народа, а также остальных народов Европы» [61. С. 235–236].

Известно также, что 19 октября 1943 г. к УШПД обратился командир соединения им. Л.П. Берия А.М. Грабчак, который в радиোগрамме просил объяснить ему, правильно ли будет, если он договорится с командиром УПА «Климом Савуром» (Д. Клячків-

ским) о нейтралитете. Исходя из информации А. Грабчака, «Клим Савур» приказал уповцам не вступать в бой с этим соединением, ибо это «настоящий партизанский отряд, который не грабит людей и наносит много вреда немцам. Другие партизанские отряды приказал бить, потому что они – грабители, не защищают села от немцев». Как отметили украинские исследователи А. Кентий и В. Лозицкий, содержание радиোগраммы способствует пониманию факторов, которые могли усложнять отношения между националистами и красными партизанами [69. С. 387–388].

Невзирая на попытки партизан УШПД и украинских повстанцев договориться между собой, серьезных практических результатов им добиться не удалось. Разве что удавалось достичь согласия о кратковременном прекращении огня между отдельными партизанскими и уповскими отрядами. Преградой на этом пути становились непреодолимые идеологические противоречия, различие военно-политических целей и обоюдная ненависть, которая сформировалась в результате бескомпромиссной борьбы.

Таким образом, антиповстанческая пропаганда направлялась на то, чтобы навязать в сознании местных жителей определенные стереотипы, вызвать положительные эмоции относительно советских партизан и, соответственно, отрицательные – украинских националистов. Достичь этого советские партизаны пытались, интерпретируя повстанческое движение, согласно задачам и директивным указаниям ЦК КП(б)У и УШПД, а также большевистской идеологии, которая простым жителям Волини была преимущественно непонятной и, соответственно, не находила надлежащего восприятия.

Красные партизаны осуществляли идеологическую работу теми же способами, что и украинские националисты, однако в результате шаблонности своих пропагандистских материалов, невосприятия их значительной частью местного населения и оуновцами они не смогли нанести серьезный вред повстанческо-подпольному движению и существенно изменить общественно-политические настроения волянян в свою пользу. Определенной морально-психологической мобилизации и поддержки со стороны гражданского населения советским партизанским соединениям удалось достичь в тех местах, где они находились стационарно и могли агитационно-пропагандистским и иным образом осуществлять обработку его сознания.

Для украинских националистов идеологическая борьба против советских партизан была важной составляющей их военно-политической деятельности, поскольку последние, согласно позиции ОУН, считались опасным врагом на пути достижения украинского самостоятельного соборного государства. Повстанческая пропаганда в целом успешно выполняла свои задачи в деле поддержки и расширения национально-государственных настроений среди населения Волини, однако ее антипартизанский вектор не достиг ожидаемых результатов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Євдокименко В.Е. Критика ідейних основ українського буржуазного націоналізму. 2-е вид, випр. та доп. Київ : Наукова думка, 1968. 293 с.
2. Федун Петро «Полтава». Концепція Самостійності України. Твори. Львів, 2008. Т. 1. 720 с.
3. Римаренко Ю.И. Антикоммунистический альянс (Критика идеологических национально-политических доктрин международного сионизма и украинского буржуазного национализма). Киев : Наукова думка, 1981. 217 с.
4. Римаренко Ю.И. Буржуазный национализм та його «теорія» нації. Київ : Наукова думка, 1974. 384 с.
5. Государственный архив Ровенской области (далее – ГАРО). Ф. Р–40. Оп. 2. Д. 63. 64 л.
6. Русский архив. Великая Отечественная. Т. 20 (9): Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Документы и материалы. М. : ТЕРРА, 1999. 672 с.
7. Санников Г.З. Большая охота. Разгром вооруженного подполья в Западной Украине. М. : ОЛМА–ПРЕСС, 2002. 512 с.
8. ОУН і УПА в 1943 році: Документи. Київ : Інститут історії України НАН України, 2008. 347 с.
9. Літопис УПА. Нова серія. Т. 3 : Боротьба проти УПА і націоналістичного підпілля: директивні документи ЦК Компартії України. Київ; Торонто : Літопис УПА, 2001. 646 с.
10. Центральный государственный архив общественных объединений Украины (далее – ЦГАООУ). Ф. 65. Оп. 1. Д. 24. 123 л.
11. ЦГАООУ. Ф. 166. Оп. 3. Д. 56. 241 л.
12. ЦГАООУ. Ф. 166. Оп. 2. Д. 154. 28 л.
13. Шайкан В.О. Ідеологічна боротьба в Україні періоду Другої світової війни 1939–1945 р. Кривий Ріг, 2010. 436 с.
14. Данілова А.О. Повсякденне життя радянських партизанів на території України в роки Великої Вітчизняної війни : автореф. дис. ... канд. істор. наук. Донецьк, 2014. 20 с.
15. ЦГАООУ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 7. 104 л.
16. ЦГАООУ. Ф. 166. Оп. 2. Д. 54. 9 л.
17. ГАРО. Ф. 4054. Оп. 1. Д. 163. 99 л.
18. ЦГАООУ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 1. 180 л.
19. ЦГАООУ. Ф. 86. Оп. 1. Д. 7. 87 л.
20. Дем'янчук І.Л. Партизанська преса України (1941–1944). Київ : Видавництво КДУ ім. Т.Г. Шевченка, 1956. 108 с.
21. Дем'янчук І.Л. Зброєю слова. Преса партійного підпілля і партизанських формувань періоду Великої Вітчизняної війни. 1941–1945 р. Київ : Видавництво КДУ ім. Т.Г. Шевченка, 1986. 239 с.
22. ЦГАООУ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 15. 182 л.
23. ЦГАООУ. Ф. 105. Оп. 1. Д. 35. 81 л.
24. ЦГАООУ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 1. 300 л.
25. ГАРО. Ф. П–1. Оп. 1. Д. 63. 63 л.
26. ЦГАООУ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 57. 201 л.
27. Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы : в 2 т. Т. 1: 1939–1943. (под ред. А. Артизова). М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 878 с.
28. ЦГАООУ. Ф. 64. Оп. 1. Д. 47. 71 л.
29. Федоров И.Ф. Партизанские версты (Воспоминания командира соединения). Киев : Политиздат Украины, 1990. 223 с.
30. Гогун А.С. Сталинистские командос. Украинские партизанские формирования 1941–1944. 2-е изд., испр. и доп. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 527 с.
31. Літопис УПА. Нова серія. Т. 14: УПА і запілля на ПЗУЗ 1943–1945. Нові документи. Київ; Торонто : Літопис УПА, 2010. 640 с.
32. Федоров О.Ф. Підпільний обком діє. Київ : Політвидав України, 1981. 832 с.
33. Партизанская война в Украине. Дневники командиров партизанских отрядов и соединений. 1941–1944 / сост.: О.В. Бажан, А.В. Кентий и др. М. : Центрполиграф, 2000. 670 с.
34. ЦГАООУ. Ф. 68. Оп. 1. Д. 33. 258 л.
35. ЦГАООУ. Ф. 64. Оп. 1. Д. 56. 339 л.
36. ЦГАООУ. Ф. 68. Оп. 1. Д. 35. 97 л.
37. Антонюк Я.М. Український визвольний рух у постатях керівників. Волинська та Брестська області (1930–1955). Торонто; Львів : Літопис УПА, 2014. 1069 с.
38. Стедишин О.Л. Бандерівський інтернаціонал: грузини, росіяни, євреї... Львів : Часопис, 2015. 328 с.
39. Бігун І.М. Розгром повстанської республіки «Січ» радянським сумським партизанським з'єднанням у січні 1944 р. // Міжнародна наукова конференція «Український визвольний рух 20–50 років ХХ ст. : ідея державності та її реалізація. Доповіді і повідомлення. 29–30 червня 2016 р. Київ, 2016. С. 15–23.
40. ЦГАООУ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 17. 149 л.
41. ЦГАООУ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 20. 171 л.
42. Жив'юк А.А. За московським часом: контрверсії радянзації Рівненщини (кінець 1930-х–кінець 1950-х років). Рівне : ВАТ «Рівненська друкарня», 2011. 186 с.
43. Корчев М.С. Годы огневые / лит. запись Б. Попова. 2-е изд., доп. Киев : Политиздат Украины, 1989. 30 с.
44. Жив'юк А.А. «Інструменталізована церква» : використання компартійною номенклатурою представників релігійних конфесій у збройній боротьбі на Західній Волині й Поліссі у 1940-х рр. // З архівів ВЧК–НКВД–КГБ. Київ ; Харків, 2009. № 2. С. 7–21.
45. ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 503. 106 л.
46. ЦГАООУ. Ф. 105. Оп. 1. Д. 1. 115 л.
47. Україна партизанська, 1941–1944. Партизанські формування та органи керівництва ними. Науково-довідкове видання. Київ : Парламентське вид-во, 2001. 319 с.
48. ЦГАООУ. Ф. 70. Оп. 1. Д. 14. 84 л.
49. ГАРО. Ф. Р–30. Оп. 1. Д. 19. 52 л.
50. Трофимович В.В. Створення Української повстанської армії // Наукові записки Національного університету «Острозька академія» : Історичні науки. Острог : НУОА, 2013. Вип. 20. С. 12–21.
51. Трофимович В.В., Сухих А.Ю. Боротьба за терени впливу між рівненськими радянськими партизанськими з'єднаннями й УПА (1943–1944) // Військово-науковий вісник. Львів : НАСВ, 2017. Вип. 27. С. 135–150.
52. ГАРО. Ф. Р–30. Оп. 1. Д. 10. 95 л.
53. Земля і Влада. Червень 1943 р. № 1.
54. Оборона України. 1 серпня 1943 р. № 1.
55. Кеворкян К. Пропаганда: генезис і визначення в контексті сучасних комунікацій // Вісник ХНУ ім. В.Н. Каразіна. Питання соціології. Харків, 2012. Вип. 21.
56. ГАРО. Ф. Р–30. Оп. 1. Д. 18. 56 л.
57. ГАРО. Ф. Р–30. Оп. 1. Д. 16. 83 л.
58. ЦГАООУ. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1. 358 л.
59. ГАРО. Ф. Р–30. Оп. 2. Д. 92. 34 л.
60. ГАРО. Ф. Р–30. Оп. 2. Д. 95. 8 л.

61. Сергійчук В.І. Український збиг : Волинь. 1939–1955. Київ : Українська видавнича спілка, 2005. 840 с.
62. ГАРО. Ф. Р–30. Оп. 2. Д. 43. 116 л.
63. ЦГАООУ. Ф. 97. Оп. 1. Д. 1. 309 л.
64. ЦГАООУ. Ф. 64. Оп. 1. Д. 21. 175 л.
65. ЦГАООУ. Ф. 68. Оп. 1. Д. 8. 68 л.
66. ЦГАООУ. Ф. 73. Оп. 1. Д. 6. 250 л.
67. ЦГАООУ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 16. 126 л.
68. ЦГАООУ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 3. 58 л.
69. Кентій А.В., Лозицький В.С. Війна без пощади і милосердя. Партизанський фронт у тилу Вермахту в Україні 1941–1944. Київ : Генеза, 2005. 408 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 22 мая 2019 г.

The Ideological Confrontation of Soviet Guerrillas and Ukrainian Rebels in Volhynia in 1942–1944

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 448, 160–171.

DOI: 10.17223/15617793/448/20

Volodymyr V. Trofymovych, National University of Ostroh Academy (Ostroh, Ukraine). E-mail: v.trofymovych@rambler.ru

Andriy Yu. Sukhykh, National University of Ostroh Academy (Ostroh, Ukraine). E-mail: andrew.sukhykh.1992@gmail.com

Liliya V. Trofymovych, Hetman Petro Sahaidachnyi National Ground Forces Academy (Lviv, Ukraine). E-mail: l.trofymovych@hotmail.com

Keywords: Soviet guerrillas; Ukrainian nationalists; rebels; Volhynia; agitation and propaganda; ideological struggle; OUN; population; occupiers.

On the basis of archival materials, as well as other sources and scientific literature, the article attempts to present the little-studied historiography of the ideological confrontation between Soviet guerrillas and subordinates of the Organization of Ukrainian Nationalists, Bandera's faction, who were Ukrainian rebels on the territory of the historical and ethnographic Volhynia, now part of Volyn, Rivne, parts of Khmelnytskyi, Ternopil and Zhytomyr Oblasts. The chronological framework of the confrontation covers the period from 1942 (the establishment of the Central and Ukrainian headquarters of the Guerrilla Movement of the Central Committee of the Communist Party (Bolsheviks) of Ukraine; raids of Sumy guerrillas under the command of S. Kovpak and A. Saburov to the Right-Bank Ukraine; the emergence of armed self-defense groups of Bandera's Organization of Ukrainian Nationalists in Volhynia and southern Polesia, which, as part of the rebel territory, made up a separate entity called "Northwestern Ukrainian lands") till 1944 (Nazi invaders' expulsion from the territory of Ukraine). The article emphasizes that actions of Soviet guerrillas and Ukrainian rebels were subordinated not only to military-political aims, but also to the ideological principles of Bolshevism and Ukrainian integral nationalism, respectively, which had diametrically opposite approaches the solution of the national question. The article covers the forms and techniques of the ideological struggle used by the opposing parties. Different aspects of their propaganda among the local population are considered. The propaganda was aimed at influencing people's mood, winning them to the parties' sides, securing their loyalty and support, discrediting the opposite party and its ideology in their eyes. There was a great reaction of the local population to the political work done by Soviet guerrillas and Ukrainian nationalists. There were cases when representatives of the national units of the Ukrainian Insurgent Army joined Soviet guerrillas: those were mostly former Red Army soldiers. The ideological struggle of Soviet guerrillas was more successful in locations where they had a military advantage and protected the locals from the occupants' taxes and punitive actions. The propaganda by Ukrainian rebels was successful in terms of receiving support and increasing national public moods in Volhynia's people, but its anti-guerrilla vector never reached the expected result. Attention is drawn to the fact that the attempts of Soviet guerrillas and Ukrainian rebels to reach an agreement on some questions failed in most cases because they had a lot of ideological contradictions, different military and political goals, and mutual hatred that arose in the long and uncompromising struggle.

REFERENCES

1. Evdokimenko, V.E. (1968) *Kritika ideynikh osnov ukrains'kogo burzhuaaznogo natsionalizmu* [Criticism of the ideological foundations of Ukrainian bourgeois nationalism]. 2nd ed. Kyiv: Naukova dumka.
2. Fedun, P. (2008) "Poltava". *Kontseptsiiya Samostiynosti Ukraini* ["Poltava". The Concept of Independence of Ukraine]. Vol. 1. Lviv: In-t ukrainoznavstva.
3. Rimarenko, Yu.I. (1981) *Antikommunisticheskiy al'yans (Kritika ideologicheskikh natsional'no-politicheskikh doktrin mezhdunarodnogo sionizma i ukrainskogo burzhuaaznogo natsionalizma)* [Anti-Communist Alliance (Criticism of the ideological national-political doctrines of international Zionism and Ukrainian bourgeois nationalism)]. Kyiv: Naukova dumka.
4. Rimarenko, Yu.I. (1974) *Burzhuaazniy natsionalizm ta yogo "teoriya" natsii* [Bourgeois nationalism and its "theory" of the nation]. Kyiv: Naukova dumka.
5. State Archive of Rivne Oblast (GARO). Fund R–40. List 2. File 63. 64 p.
6. Militera. (1999) *Russkiy arkhiv. Velikaya Otechestvennaya* [Russian archive. The Great Patriotic War]. Vol. 20 (9). Moscow: TERRA.
7. Sannikov, G.Z. (2002) *Bol'shaya okhota. Razgrom vooruzhennogo podpol'ya v Zapadnoy Ukraine* [The great hunt. The defeat of the armed underground in Western Ukraine]. Moscow: OLMA–PRESS.
8. NAS of Ukraine, Institute of History of Ukraine. (2008) *OUN i UPA v 1943 rotsi: Dokumenti* [The OUN and UPA in 1943: Documents]. Kyiv: Institute of History of Ukraine.
9. Litopis UPA. (2001) *Litopis UPA. Nova seriya* [UPA Chronicle. New Series]. Vol. 3. Kyiv; Toronto: Litopis UPA.
10. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine (TsGAOOU). Fund 65. List 1. File 24. 123 p.
11. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine (TsGAOOU). Fund 166. List 3. File 56. 241 p.
12. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine (TsGAOOU). Fund 166. List 2. File 154. 28 p.
13. Shaykan, V.O. (2010) *Ideologichna borot'ba v Ukraini periodu Drugoi svitovoi viyni 1939–1945 r.* [The ideological struggle in Ukraine of the Second World War period 1939–1945]. Kriviy Rig: [s.n.].
14. Danilova, A.O. (2014) *Povsyakdenne zhittya radyans'kikh partizaniv na teritorii Ukraini v roki Velikoi Vitchiznyanoi viyni* [Daily life of Soviet guerrillas on the territory of Ukraine during the Great Patriotic War]. Abstract of History Cand. Diss. Donetsk.
15. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine (TsGAOOU). Fund 69. List 1. File 7. 104 p.
16. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine (TsGAOOU). Fund 166. List 2. File 54. 9 p.

17. State Archive of Rivne Oblast (GARO). Fund 4054. List 1. File 163. 99 p.
18. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine (TsGAOUU). Fund 78. List 1. File 1. 180 p.
19. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine (TsGAOUU). Fund 86. List 1. File 7. 87 p.
20. Dem'yanchuk, I.L. (1956) *Partizans'ka presa Ukraini (1941–1944)* [Guerrilla Press of Ukraine (1941–1944)]. Kyiv: Vidavnistvo KDU im. T.G. Shevchenka.
21. Dem'yanchuk, I.L. (1986) *Zbroeyu slova. Presa partiynogo pidpillya i partizans'kikh formuvan' periodu Velikoi Vitchiznyanoi viyny. 1941–1945 r.* [The weapon of the word. The press of the party underground and the guerrilla formations of the Great Patriotic War. 1941–1945]. Kyiv: Vidavnistvo KDU im. T.G. Shevchenka.
22. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine (TsGAOUU). Fund 69. List 1. File 15. 182 p.
23. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine (TsGAOUU). Fund 105. List 1. File 35. 81 p.
24. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine (TsGAOUU). Fund 65. List 1. File 1. 300 p.
25. State Archive of Rivne Oblast (GARO). Fund P–1. List 1. File 63. 63 p.
26. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine (TsGAOUU). Fund 65. List 1. File 57. 201 p.
27. Artizov, A. (ed.) (2012) *Ukrainskie natsionalisticheskie organizatsii v gody Vtoroy mirovoy voyny. Dokumenty: v 2 t.* [Ukrainian nationalist organizations during the Second World War. Documents: in 2 vols]. Vol. 1: 1939–1943. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
28. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine (TsGAOUU). Fund 64. List 1. File 47. 71 p.
29. Fedorov, I.F. (1990) *Partizanske versty (Vospominaniya komandira soedineniya)* [Guerrilla versts (Memoirs of the commander of the military unit)]. Kyiv: Politizdat Ukrainy.
30. Gogun, A.S. (2012) *Stalinskie komandos. Ukrainskie partizanske formirovaniya 1941–1944* [Stalin's commanders. Ukrainian guerrilla formations of 1941–1944]. 2nd ed. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
31. Litopis UPA. (2010) *Litopis UPA. Nova seriya* [UPA Chronicle. New Series]. Vol. 14. Kyiv; Toronto: Litopis UPA.
32. Fedorov, O.F. (1981) *Pidpil'niy obkom die* [The underground ward operates]. Kyiv: Politvidav Ukraini.
33. Bazhan, O.V. et al. (2000) *Partizanskaya voyna v Ukraine. Dnevniky komandirov partizanskikh otryadov i soedineniy. 1941–1944* [Guerrilla war in Ukraine. Diaries of the commanders of guerrilla detachments and formations. 1941–1944]. Moscow: Tsentrpoligraf.
34. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine (TsGAOUU). Fund 68. List 1. File 33. 258 p.
35. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine (TsGAOUU). Fund 64. List 1. File 56. 339 p.
36. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine (TsGAOUU). Fund 68. List 1. File 35. 97 p.
37. Antonyuk, Ya.M. (2014) *Ukrains'kyy vizvol'niy rukh u postatyakh kerivnikov. Volyn's'ka ta Brest's'ka oblasti (1930–1955)* [Ukrainian liberation movement in the figures of leaders. Volyn and Brest regions (1930–1955)]. Toronto; Lviv: Litopis UPA.
38. Stetsishin, O.L. (2015) *Banderivs'kyy internatsional: gruzini, rosiyani, evrei . . .* [Bandera International: Georgians, Russians, Jews . . .]. Lviv: Chasopis.
39. Bigun, I.M. (2016) [The defeat of the rebellious republic “Sich” by the Soviet Sumy guerrilla union in January 1944]. *Ukrains'kyy vizvol'niy rukh 20–50 rokiv XX st.: ideya derzhavnosti ta ii realizatsiya* [Ukrainian Liberation Movement of the 1920s–1950s: The Idea of Statehood and Its Realization]. Proceedings of the International Conference. 29–30 chervnya 2016. Kyiv: [s.n.]. pp. 15–23. (In Ukrainian).
40. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine (TsGAOUU). Fund 65. List 1. File 17. 149 p.
41. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine (TsGAOUU). Fund 65. List 1. File 20. 171 p.
42. Zhiv'yuk, A.A. (2011) *Za moskovs'kim chasom: kontroversii radyanizatsii Rivnenshchiny (kinets' 1930-kh–kinets' 1950-kh rokiv)* [Moscow Time: Controversies of the Soviet Union of the Rivne Region (late 1930s – late 1950s)]. Rivne: VAT “Rivnens'ka drukarnya”.
43. Korchev, M.S. (1989) *Gody ognevye* [Years of Fire]. 2nd ed. Kyiv: Politizdat Ukrainy.
44. Zhiv'yuk, A.A. (2009) “Instrumentalizovana tserkva”: vikoristannya kompartynoyu nomenklatury predstavnikov religiy i konfesiyn u zbroyniy borot'bi na Zakhidniy Volini y Polissi u 1940-kh rr. [“Instrumentalized Church”: the use of communist nomenclature by representatives of religious denominations in the armed struggle in Western Volhynia and Polesia in the 1940s.]. *Z arkhiv VChK–NKVD–KGB*. 2. pp. 7–21.
45. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine (TsGAOUU). Fund 1. List 22. File 503. 106 p.
46. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine (TsGAOUU). Fund 105. List 1. File 1. 115 p.
47. Lozits'kiy, V.S., Bazhan, O.V., Kentiy, A.V. & Tkach, O.S. (2001) *Ukraina partizans'ka, 1941–1944. Partizans'ki formuvannya ta organi kerivnistva nime* [Guerrilla Ukraine, 1941–1944. Guerrilla formations and their governing bodies]. Kyiv: Parlaments'ke vid-vo.
48. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine (TsGAOUU). Fund 70. List 1. File 14. 84 p.
49. State Archive of Rivne Oblast (GARO). Fund R–30. List 1. File 19. 52 p.
50. Trofimovich, V.V. (2013) *Stvorenniya Ukrain's'koi povstans'koi armii* [Creation of the Ukrainian Insurgent Army]. *Naukovi zapiski Natsional'nogo universitetu “Ostroz'ka akademiya”*: *Istorichni nauki*. 20. pp. 12–21.
51. Trofimovich, V.V. & Sukhikh, A.Yu. (2017) The Struggle for territory of influence between Rivne Soviet partisan units and UPA (1943–1944). *Viys'kovo-naukoviy visnik*. 27. pp. 135–150.
52. State Archive of Rivne Oblast (GARO). Fund R–30. List 1. File 10. 95 p.
53. *Zemlya i Vlada*. (1943) June. 1.
54. *Oborona Ukraini*. (1943) 1 August. 1.
55. Kevorkyan, K. (2012) Propaganda: genezis i viznachennya v konteksti suchasnikh komunikatsiy [Propaganda: Genesis and Definition in the Context of Modern Communication]. *Visnik KhNU im. V.N. Karazina. Pitannya sotsiologii*. 21.
56. State Archive of Rivne Oblast (GARO). Fund R–30. List 1. File 18. 56 p.
57. State Archive of Rivne Oblast (GARO). Fund R–30. List 1. File 16. 83 p.
58. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine (TsGAOUU). Fund 64. List 1. File 1. 358 p.
59. State Archive of Rivne Oblast (GARO). Fund R–30. List 2. File 92. 34 p.
60. State Archive of Rivne Oblast (GARO). Fund R–30. List 2. File 95. 8 p.
61. Sergiychuk, V.I. (2005) *Ukrains'kyy zdvig: Volin'. 1939–1955* [Ukrainian Shift: Volyn. 1939–1955]. Kyiv: Ukrain's'ka vidavnicha spilka.
62. State Archive of Rivne Oblast (GARO). Fund R–30. List 2. File 43. 116 p.
63. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine (TsGAOUU). Fund 97. List 1. File 1. 309 p.
64. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine (TsGAOUU). Fund 64. List 1. File 21. 175 p.
65. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine (TsGAOUU). Fund 68. List 1. File 8. 68 p.
66. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine (TsGAOUU). Fund 73. List 1. File 6. 250 p.
67. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine (TsGAOUU). Fund 66. List 1. File 16. 126 p.
68. Central State Archives of Public Organizations of Ukraine (TsGAOUU). Fund 78. List 1. File 3. 58 p.
69. Kentiy, A.V. & Lozits'kiy, V.S. (2005) *Viyna bez poshchadi i miloserdya. Partizans'kyy front u tilu Vermakhtu v Ukraini 1941–1944* [A war without mercy and humaneness. The guerrilla front in the rear of the Wehrmacht in Ukraine 1941–1944]. Kyiv: Geneza.

Received: 22 May 2019